КОМПАРАТИВИСТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА, КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

DOI: 10.12737/jflcl.2020.033

Генезис прокуратуры Республики Узбекистан: «Восток — дело тонкое»*

МАЛИКОВА Гульчехра Рихсиджаевна, доцент кафедры «Организация и управление прокурорской деятельностью» Академии Генеральной прокуратуры Республики Узбекистан, доктор юридических наук
Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. Шахрисабз, 42
E-mail: pmmalikova@gmail.com

Исследуется институт прокуратуры Республики Узбекистан в его ретроспективе, так как именно данный аспект еще не полностью изучен.

Цель статьи — изучение, осмысление генезиса, теоретических и практических вопросов, связанных с сущностью и характером системы прокуратуры Республики Узбекистан.

С помощью метода синтеза соединены разрозненные части исследуемого материала, а посредством метода анализа он изучен в совокупности. Впервые в исследовании данного института проведена параллель между деятельностью мухтасибов, которые осуществляли надзорные функции согласно законам шариата, и прокуроров, появившихся при судах после завоевания царской Россией Туркестанского края. Исследуются предпосылки и среда, в которой формировалась прокуратура Туркестанского края; путь ее становления и развития.

Автор прежде всего исследовал архивные документы и на их основе изучил динамику событий и принятых решений, заложивших основу института прокуратуры, что позволило понять мотивацию принятия решений, отношение к которым имели органы прокуратуры.

Вывод: развитие стратегического курса органов прокуратуры невозможно без разумной оценки накопленного исторического опыта.

Ключевые слова: мухтасиб, казий (судья), миршаб (полицейский), исламское право, таъзир (наказание), казий-уль-куззот (верховный судья), раис, прокурор, товарищ прокурора, бек.

Для цитирования: Маликова Г. Р. Генезис прокуратуры Республики Узбекистан: «Восток — дело тонкое» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4. С. 80—96. DOI: 10.12737/jflcl.2020.033

Введение. За весь период существования прокуратуры Республики Узбекистан количество публикаций, освещающих различные аспекты ее деятельности, увеличилось. Хотя учебники и диссертационные исследования по прокурорскому надзору и освещали некоторые моменты становления и развития системы отечественной прокуратуры, фундаментальной разработки данного аспекта не было. В качестве проблемных ставились и разбирались отдельные вопросы, трактовка которых не всегда соответствовала объективным историческим фактам, имевшим отношение к Узбекистану.

Дело в том, что национальные исследователи каждый раз при изучении института прокуратуры с точки зрения исторического ракурса обращаются исключительно к российскому либо европейскому опыту, не придавая внимания национальной практике. Со временем стал аксиомой тезис о том, что до завоевания Российской империей Туркестанского края орган, схожий с органами прокуратуры, на территории нашего государства вообще отсутствовал. Дан-

ное обстоятельство, по мнению автора, является, с одной стороны, следствием присутствия «китайских стен» между научными дисциплинами, которые тормозят развитие междисциплинарного подхода; с другой стороны, наблюдается излишняя вестернизация в науке и образовании. Что можно прогнозировать в подобной ситуации? Сложившаяся сегодня тенденция может привести завтра к тому, что стратегия построения будущего отечественной прокуратуры будет основана не на изучении своего богатого опыта, а на опыте зарубежного поколения, жившего много веков до нас.

Гипотеза публикации заключается в опровержении «штампа» об отсутствии института прокуратуры на территории Туркестанского края задолго до колонизации царской России. Данная гипотеза будет обосновываться посредством исследования института мухтасиба — органа, сформировавшегося в мусульманском праве и близкого к институту прокуратуры в его современном понимании, следовательно, его прародителю.

* Автор выражает искреннюю благодарность сыну — Надырхану Маликову за ощущение себя не только мамой, но еще и ученицей. Отдельная благодарность Евгению Вячеславовичу Коленко за поддержку в процессе работы над статьей, а также Рустаму Гафурову и Самиру Аршиддинову, без помощи которых статья не была бы такой, какой стала.

Далее раскрывается одно из уникальных явлений в истории Туркестанского края, при котором действовали две диаметрально противоположные правовые системы. Внедрение института прокуратуры царской Россией в Туркестанский край происходило без готовой правоприменительной практики и сложившейся системы взаимодействия исполнительных органов с судебными. Отсутствие апробированной системы повлекло в итоге как положительные, так и негативные последствия.

Цель исследования заключается в том, чтобы вооружить будущих специалистов — исследователей и служащих системы прокуратуры — навыками анализа и прогноза тенденций с позиций исторического развития нашей национальной государственности.

В публикации мы разделили историю становления отечественной прокуратуры на два основных этапа:

1) становление и развитие института мухтасибов, деятельность которых была направлена на обеспечение прав и свобод гражданина в мусульманском праве, сформировавшегося как институт надзора над деятельностью купцов;

2) необходимость введения должности прокурора и его товарищей после завоевания Российской империей Туркестанского края.

Автор не претендует на полное раскрытие темы, изучение историко-правового подхода только начинается. Эту лакуну хотя бы отчасти призвана заполнить данная публикация.

Методологию исследования составляют: 1) изучение характеристик и особенностей в вопросах становления и развития деятельности прокуратуры как системы; 2) присутствие логической последовательности — объект, субъект, предмет исследования, методы (синтез, анализ, сравнительно-правовой), выводы — в структуре статьи; 3) наличие стадий и этапов, которые придали ясность и показали хронологию развития событий.

Изучение материалов касательно формирования и развития института прокуратуры базируется на анализе разнообразных и многочисленных письменных источников. Нами рассмотрены архивные документы (Фонд И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора»; И-126 «Канцелярия Кушбеги Бухарского Эмирата»; И-134 «Прокурор Сырдарьинского областного суда» 1887—1899)¹; периодические издания, которые хранятся в фонде редких произведений узбекской национальной библиотеки им. Алишера Навои²; публикации наших соотечественников с историческим комментарием³; диссертационные и другие

научные исследования⁴; современные учебники по прокурорскому надзору⁵, а также интернет-издания.

Результаты исследования показали, что мухтасибы, как и современные прокуроры, являлись прежде всего блюстителями закона и правопорядка.

Историческая предрасположенность института мухтасибов и органов прокуратуры в Туркестанском крае показывает характерную только для данных органов черту — принадлежность их как к судебной, так и к исполнительной ветвям власти. Отсюда регулярные взаимопроникновения в функции.

Институт надзора за исполнением законодательства в мусульманском праве присутствовал издревле. К сожалению, в западной культуре данная функция не была четко сформулирована и систематизирована, а в мусульманской культуре на протяжении столетий она была предметом анализа ученых⁶. Речь в данном случае идет об одном из институтов мусульманской государственности X — начала XX в. — о мухтасибе или хисбе⁷.

Возникновение института **мухтасиба** связано с исламом. Некоторые ученые считают, что конкретно он возник при пророке Мухаммаде и связано это со случаем из его жизни. Однажды зайдя в рынок города Медины, Пророк увидел посуду (чашку) с красивой пшеницей. Сунув руку внутрь посуды и вынув оттуда горсть подгнившей пшеницы, он спросил продавца: «Это что?». Продавец ответил что-то вроде «это из-за дождя». Пророк спросил: «Почему снаружи поставил лучшие образцы, а внутри плохие?» — и добавил, что среди мусульман не должен иметь место обман, а кто обманывает, тот не является мусульманином. Тут же после этого случая Пророк назначил ответственного надзирателя за рынком Медины. После завоевания Мекки Пророк назначил Сайид бин Ос бин Умай надзирателем (мухтасибом) этого горо-

административном управлении Бухарского ханства во второй половине XIII — начале XIX века // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2014. № 8 (9). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1547>; *Асқарова Л. Абу Хафс Кабир Бухорий ва Ханафий фикхи.* Ташкент, 2014.

⁴ См., например: *Махбубов М.* Создание и развитие органов прокуратуры в Узбекистане: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 1993; *Прокуратура Республики Узбекистан: 70 лет на страже закона.* Ташкент, 1992.

⁵ См.: *Пулатов Б. Х.* Прокурорский надзор. Ташкент, 2009.

⁶ См.: *Кук М.* Шестой столп ислама. Запрещение осуждаемого. Пер. с англ. СПб., 2008.

⁷ Мухтасиб — от слова «хасаба» т. е. учет. «Хасаба» как специальный термин используется для обозначения получения заслуженного вознаграждения, «хисба» как существительное означает вознаграждение, плату, используется также в значении запрещения тех действий, которые не разрешены шариатом. В религиозном понимании «хисба» — совершение чего-то ради Бога, которое учитывается Богом. См.: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 195.

¹ Центральный государственный архив (далее — ЦГА) Республики Узбекистан.

² Туркестанские ведомости (1886—1905); газета Туркестанской области 1892 г.

³ См., например: *Шайх Мухаммад Содиқ Мухаммад Юсуф.* Олам ва одам. Дин ва илм. Ташкент, 2019; *Халикова Р. Э.* Об

да⁸. Следовательно, можно сделать вывод, что надзор за исполнением законов, направленных на обеспечение прав и свобод гражданина в мусульманском праве, появился как институт контроля за деятельностью купцов.

Другие ученые считают, что деятельность мухтасибов была введена халифом Умаром (634—644 гг.) и более широкие полномочия они обрели в период правления аббасидов при халифе Махди (775—785 гг.)⁹.

Мухтасибы были весьма авторитетны и уважаемы, на эту должность обычно назначались люди из числа сейидов (потомков пророка Мухаммада от его дочери Фатимы и халифа Али), часто из рода ходжей (также потомков четырех праведных халифов)¹⁰.

Государи Мавераннахра в согласии с шариатом установили четыре должности почитаемых ученых и сейидов, помимо должностей правительственных лиц. В эту четверку входили судьи, муфтий, мухтасиб и преподаватели¹¹.

Для того чтобы узаконить деятельность мухтасибов, мусульманские правоведы обратились к Корану, где говорится, что верующие велят друг другу делать добрые дела и воздерживаться от запрещенного¹². В обязанности мухтасиба входило побуждение обывателей к добрым делам и удержание их от совершения запретного¹³.

Обеспечение порядка на базарах в это время было важнейшим направлением деятельности мухтасибов, поскольку базар являлся центром, где узнавали все новости, передавали и обсуждали различные слухи. Следовательно, регулирование общественного мнения в значительной мере зависело и от мухтасибов. Они осуществляли традиционный контроль за правильностью мер и весов, соблюдением установленных цен и исполнением религиозных обязанностей¹⁴.

Первые упоминания о мухтасибах встречаются в знаменитом трактате «Книга о правлении» одного из выдающихся деятелей средневекового мусульманского Востока Низам ал Мулька: «...следует назначать в каждый город мухтасиба из числа тех, кто

учен, честен и наиболее достоин, чтобы он надзирал за всем... Государь и государевы чины должны содействовать тому, чтобы он пользовался значением, это является одним из правил господства, показателем благоразумия, а если бедняки впадут в несчастье, люди базаров будут покупать и продавать, как хотят, одолеет роскошество, станет явным разврат, потеряют значение предписания шариата. Будь то государев слуга, либо старый тюрок, дабы мухтасиб не делал снисхождения и его боялись, равно как знать, так и простой народ, чтобы все дела шли согласно справедливости и законы ислама были крепки...»¹⁵.

В своих Уложениях Амир Темур, описывая деятельность садров (лиц, отвечающих за состояние вакфов), останавливается на работе мухтасибов, назначаемых садром в каждом городе и крае¹⁶.

Функции мухтасиба. Историк и философ XIV в. ибн Халдун в своей «Книге примеров...» говорит, что власть мухтасибов «не ограничивается тяжбой или призывом на помощь, ему принадлежит рассмотрение и приговор по всему тому, что по этой части доходит до его сведения и заявляется ему. На нем лежит также принуждение к расчету затягивающих отдачу долга»¹⁷.

Иначе говоря, изначально это были не сложные по своему содержанию дела, которыми казии (судьи) из-за легкости их предмета не занимались. Хотя в некоторых источниках утверждается, что со временем к рассмотрению сложных дел мухтасибы привлекались с совещательным голосом¹⁸.

Во многих исламских государствах мухтасибы входили в полное ведение казия, и он назначал на эту должность по своему выбору. Потом, когда отделился пост султаната от халифата, должность мухтасиба вошла в ведение правителя и отделилась в управлении¹⁹. Следовательно, они стали назначаемы главой государства и были наделены исполнительной властью. Действовали мухтасибы параллельно с Казияль-куззат (верховный судья), который являлся апелляционной инстанцией²⁰.

Несмотря на имеющееся различие между верховным судьей и мухтасибом, в отдельных источниках говорится: «Функции казия и мухтасиба не были четко разграничены. Их основная разница была в том,

⁸ См.: *Сокит М. Н.* Институты правосудия в исламе. Тегеран, 1325 г. х. С. 300; *Буриев И. Б.* Контроль за должным поведением и институт мухтасиба в средневековой государственности таджиков // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2009. № 4. С. 141.

⁹ См.: *Раджабов К., Кандов Б.* Жахон тарихидаги сулола ва давлатлар. Ташкент, 2015. С. 102.

¹⁰ См.: *Халикова Р. Э.* Указ. соч.

¹¹ См.: *Семенов А. А.* Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей в средневековой Бухаре. М., 1948. С. 140.

¹² См.: Сура 9. Коран / пер. с араб. *И. Ю. Крачковского.* М., 1990. С. 149.

¹³ См.: *Семенов А. А.* Указ. соч. С. 140.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Низомулмулк.* Сиесатнома (Сияр ул-мулк). Ташкент, 2008. С. 48.

¹⁶ См.: Темур тузуклари (Уложения Тимура). Ташкент, 2019. С. 76.

¹⁷ Бухарский мухтасиб в начале XX века. URL: googleweblight.com.

¹⁸ См.: *Логофет Д. И.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 59.

¹⁹ См.: Бухарский мухтасиб в начале XX века. URL: googleweblight.com.

²⁰ См.: *Абу Юсуф Йакуб Ибрахим ал-Куфи.* Китаб ал-Харадж (мусульманское налогообложение). СПб., 2001. С. 29.

что мухтасиб не имел полномочий для рассмотрения дел. Но в некоторых исключительных случаях, требующих моментального решения, считалось, что он мог справедливо разрешить мелкие правонарушения»²¹.

Со временем на него были возложены такие полномочия, как охрана общественной тишины и спокойствия, а также надзор за нравственностью народа и строгим исполнением обязанностей религиозных норм²².

Мухтасиб контролировал содержание уроков в медресе, следил, чтобы ученики воспитывались в духе уважения к старшим и родителям, а также чтобы наказания, которые применяли учителя в отношении учеников, не были жестокими²³. В последнем случае он мог запретить деятельность учителей в медресе.

На мухтасибе лежала обязанность надзора за чистотой орудий мясников, мыловаров и т. д. Он должен был делить наследство мусульман между наследниками на доли, а в тяжбах мусульман, согласно священному шариату, допрашивать их и выносить решения²⁴.

Одним из наиболее интересных направлений ответственности мухтасиба было общественное здравоохранение, поэтому он и его инспекторы вели постоянную борьбу за поддержание чистоты улиц, регулирование мест свалки, утилизацию испорченных продуктов в специально отведенном месте²⁵. Мухтасиб заботился обо всем, что касалось питья и еды, он контролировал правопорядок на улицах города, запрещал вести строительство, которое может ограничить движение, сделать улицу узкой, предупреждал хозяина аварийных зданий о сносе или ремонте последних²⁶.

Составной частью работы мухтасибов была профилактика правонарушений на местах²⁷. Мухтасибы проводили кампанию просвещения населения по различным вопросам, в ходе которой указывали людям установленный шариатом путь. Мухтасиб следил, чтобы горожане не пренебрегали посещением мечети, муаззины вовремя провозглашали азан — призыв к молитве, чтобы никто в месяце рамазане открыто не нарушал пост²⁸.

В некоторых наставлениях указывается, что мухтасиб должен контролировать и кази. Иногда на него возлагалось осуществление контроля за монетным двором (как правило, это была обязанность кази)²⁹, инспектирование чеканки монет, работы золотых дел мастеров, купли-продажи золота и других драгоценностей³⁰. Для предотвращения обмана в отношении больных, а также их обсчета со стороны аптек каждую неделю мухтасиб осуществлял надзор совместно с миршабами, которые выполняли функцию полиции³¹.

Полномочия мухтасиба. Мухтасиб рассматривал все вопросы, касающиеся общественных прав, в которых отсутствовал истец. Дело в том, что хадис, в котором обуславливается наличие судебного заседания (мажлис-уль-када) для правомочности рассмотрения вопроса, не распространялся на мухтасиба, ибо в хадисе указано: «Перед судьей предстают две спорящие между собой стороны». Относительно мухтасибов такое положение отсутствовало, ибо здесь не было истца и ответчика. Мухтасиб рассматривал дела о пренебрежении общественным правом или нарушении шариата.

Важными считались полномочия мухтасиба в административной и судебной сферах. В полномочиях мухтасиба проявляется дуализм. С одной стороны, его можно отнести к органам исполнительной власти, но в такой же мере есть все основания считать его представителем судебной сферы.

Умар ибн Аббас писал, что «хисба является одним из главных диванов, и после дивана суда важнейшим, потому что хисба является религиозной обязанностью, но является участником многих правовых споров совместно с судебным органом». Институт мухтасиба по статусу в делах правосудия занимал место между институтом казия и мазалимом (диван жалоб)³².

Мухтасиб предъявлял обвинение, возбуждал дело и передавал его в суд. Он был вправе возбудить дело по частному обвинению³³.

Мухтасибу предоставлялось право вынесения решения о нарушении сразу, как только он узнал о нем, а также наложения различных наказаний (таъзир), предусмотренных шариатом. В местах компактного проживания мусульман перед мухтасибами держали ответ люди, которые распивали спиртные напитки и занимались прелюбодеянием, азартные игроки, любители хашиша (наркотик из канопли)³⁴.

²¹ Асророва Л. Указ. Соч. С. 90.

²² См.: Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916. С. 55.

²³ См.: Буриев И. Б. Указ. соч. С. 141.

²⁴ См.: Бухарский мухтасиб в начале XX века. URL: googleweblight.com.

²⁵ См.: Stone C. The Muhtasib. Saudi Aramco World. 1977.

²⁶ См.: Буриев И. Б. Указ. соч. С. 150.

²⁷ Профилактика правонарушений и сегодня является одной из основных функций в деятельности органов прокуратуры согласно ст. 2 Закона Республики Узбекистан «О прокуратуре».

²⁸ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 196.

²⁹ См.: Ислам. Энциклопедический словарь. М., 1991. С. 183.

³⁰ См.: Шизари. Китоб нихоят ал-рутба фи талаб ал-хисба. Кохира, 1936. С. 12.

³¹ См.: Шайх Мухаммад Содиқ Мухаммад Юсуф. Указ. соч. С. 199.

³² См.: Сокит М. Н. Указ. соч. С. 346.

³³ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 196.

³⁴ Там же.

При Шахрухе (отец Мирзо Улугбека) «строго преследовались запрещенные религией удовольствия. Мухтасибам, которых было в городе двое, был предоставлен полный простор: не соблюдалось даже старое правило, по которому мухтасибу не должно быть дела до того, что происходило внутри частных домов; гератские мухтасибы могли входить в дома знатных людей, и если находили там вино, выливали его»³⁵.

Ряд полномочий мухтасиба характеризуют социально-экономическое направление его деятельности. Создание гармонии в обществе путем согласования интересов социальных групп было целью органа хисба. Мухтасиб пропагандировал исламские ценности, согласно которым благотворительность признавалась одним из важнейших качеств правоверного. Каждый богатый человек был обязан участвовать в ремонте стен города, строительстве общественных зданий и дорог, реконструкции мечетей, их ремонте, доставке чистой воды при отсутствии средств в казне государства³⁶.

Мухтасиб проверял правильность весов и мер и особенно следил за тем, чтобы торговцы не фальсифицировали свои товары. Такая фальсификация в Средние века практиковалась нередко: продавцы молока разбавляли его водой, москательщики торговали поддельным мускусом³⁷.

Наказания, налагаемые мухтасибами за всевозможные провинности, различались, они относились к категории «исправительных»³⁸ — таъзир.

Все наказания, налагаемые мухтасибом, можно разделить на четыре категории: предупреждение и порицание; телесное наказание с помощью «дурры» (кну́т или плетё); ташхир (провоз на осле по улицам города); штраф. Для их исполнения мухтасиб был обязан иметь неопровержимые доказательства нарушения исламских законов каким-либо человеком или группой людей³⁹.

Мухтасибы осуществляли свои полномочия как среди мирного населения, так и среди войск⁴⁰. Возможно, именно этот аспект и заложил дальнейшую основу для формирования института военных прокуроров.

К началу XX в. многие функции хисбы (надзора) в период русификации правительственных учреждений совершенно отпадают. Некоторые авторы отмечали, что стоило с приходом русских упразднить эту должность в других городах края, как на базарах стали обмеривать и обвешивать⁴¹.

Редким исключением был город Бухара, где институт мухтасиба сохранился в средневековой форме до 1920 г.⁴² Все, кто бывал в Бухаре, удивлялись, как во время очередного намаза, когда лавки оставались открытыми на 20—25 минут, из них ничего не пропадало⁴³.

Раис-мухтасиб. В Бухаре, как, впрочем, и во многих областях Туркестанского края, термин «мухтасиб» не был в ходу: его заменял термин «раис» (глава, начальник), употреблявшийся в обиходе и местной литературе⁴⁴. Во многих источниках в описании деятельности раиса прослеживается деятельность мухтасибов. По утверждению Д. И. Логофета, раисы функционировали в каждом бекстве и были независимы от беков (чиновники в гражданском или военном чине. — Г. М.) и амлекдаров (приравняются к начальникам уезда. — Г. М.)⁴⁵. В каждом бекстве имелся раис, которому, в свою очередь, были подчинены раисы, состоящие в амлекдарствах. Все раисы подчинялись главному раису бекства, главный раис, в свою очередь, был подчинен кагляну — главе духовного управления⁴⁶. Ему также были подчинены казии, состоящие в каждом бекстве и амлекдарстве⁴⁷.

После завоевания Российской империей Туркестанского края в Бухаре 12 ноября 1885 г. учреждается должность российского политического агента. Политический агент являлся в Бухарском эмирате официальным представителем Российской империи. Ему присваивались функции консула. Постепенно в функции политического агента «вплетаются» полномочия, не предусматривавшиеся никакими статьями консульского устава. 15 марта 1893 г. на политического агента наложили обязанности надзора за русскими поселениями в Эмирате. Так, в одном случае российский политический агент взыскивает штраф 50 руб. с мясника Ачилбая Султанбаева за грязное содержание лавки⁴⁸, в другом — штраф 50 руб. с турецкого подданного хлебопекаря Али Мустафы за недоброкачественную выпечку хлеба (в составе хлеба оказалась муха)⁴⁹; в третьем случае — штраф с персидского подданного Хасана Дашева за неприня-

⁴² См.: Ислам. Энциклопедический словарь. С. 183.

⁴³ См.: Бухарское ханство в фотоколлекциях. URL: www.kunstkamera.ru.

⁴⁴ См.: Семенов А. А. Указ. соч. С. 140.

⁴⁵ См.: Логофет Д. И. Указ. соч. 1909. С. 32.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ См.: ЦГА Республики Узбекистан. О взыскании с мясника А. Султанбаева штрафа за грязное содержание лавки. 15 апреля 1913 г. И-126. Канцелярия Кушбеги. О-2. Кн. 3. Л. 3.

⁴⁹ См.: ЦГА Республики Узбекистан. О недоброкачественной выпечке хлеба содержащими хлебопекари турецко-подданных Али Мустафой и Сулеймановым и взыскании 50 рублей штрафа. 29 мая 1913 г. И-126. Канцелярия Кушбеги. О-2. Кн. 3. Л. 3.

³⁵ Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964. С. 120.

³⁶ См.: Маварди. Книга казия: в 2 т. Багдад, 1973. Т. 2. С. 234—235.

³⁷ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 196.

³⁸ Там же.

³⁹ См.: Буриев И. Б. Указ. соч. С. 155.

⁴⁰ См.: Исламский энциклопедический словарь. М., 2007.

⁴¹ См.: Бухарское ханство в фотоколлекциях. URL: www.kunstkamera.ru.

тие мер к предотвращению укуса собаки⁵⁰. Политический агент рассматривает также и ссоры, связанные с вопросами наследства⁵¹.

Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что надзорные функции в русской и азиатской частях были разделены между раисами (мухтасибами) и политическими агентами.

К сожалению, динамика развития института надзора с точки зрения мусульманского права не была изучена нашими исследователями. В связи с этим были сделаны неверные выводы о том, что «до завоевания во второй половине XIX в. Россией Средней Азии в феодальных государствах — Бухарском эмирате, Хивинском и Кокандском ханствах — не было прокуратуры или подобного ей органа... Мусульманское право вообще не знает такого института, как прокурорский надзор»⁵². В период, когда письменность в нашем государстве менялась три раза, а лица, хранившие данные источники, подвергались давлению, гонению и преследованию со стороны советской власти, иного вывода от исследователей не стоило ожидать.

Некоторые исследователи институт мухтасибов изучают как прототип института омбудсмена⁵³.

Согласно А. В. Логинову омбудсмен выступал в качестве специального должностного лица, наблюдающего за правомерностью действий прав и свобод граждан, и был создан с целью уравнивать полномочия монарха и парламента⁵⁴.

Мы согласны с мнением А. В. Логинова касательно цели формирования института омбудсмена, но именно эта же точка зрения подводит нас к мысли, что в основе формирования института мухтасибов не преследовалась миссия уравнивания полномочий монарха с каким-либо органом.

Гасанли Азер Абдул-Али оглы подтверждает тот факт⁵⁵, что основной функцией мухтасибов являет-

ся именно надзор. Выдвигая предложения о создании коллегии мухтасибов, которые будут осуществлять полномочия омбудсмена на всех уровнях, автор подводит читателя к мысли, что такой орган в государствах уже существует — органы прокуратуры.

Н. Кучимов, утверждая о факте задержания и ареста воров мухтасибами и его помощниками, приходит к выводу, что это является функцией омбудсмена⁵⁶.

По нашему мнению, институт мухтасибов является «кровным братом» института прокуратуры, но никак не омбудсмена.

Конечно же в функциях мухтасибов не прослеживается их непосредственное участие в судебном процессе. Но наши исследования показывают, и Д. И. Логофет это подтверждает, что со временем в отношениях отправления правосудия раисы (мухтасибы) привлекались к рассмотрению сложных дел с совещательным голосом⁵⁷. Известно, что в шариатском суде не было ни обвинителя, ни защитника. По идее казий должен был совмещать эти функции⁵⁸. По мнению автора, обращение казиев к раисам (мухтасидам) по запутанным делам заложило бы в будущем основу для последующего полноправного участия раисов (мухтасибов) в судах, если бы этот институт не был упразднен.

Функции прокуратуры, в том числе надзора, некорректно было бы сопоставлять в его нынешнем состоянии, но изучение истории, обращение в первую очередь к предкам, их трудам, опыту прошлого доказывает, что многое, что мы имеем сегодня, появилось именно тогда. В частности, это касается не только института мухтасибов, но и казиев (судей) и миршабов (полицейских).

Мухтасибы осуществляли свою деятельность наряду с казиями (судьями) и миршабами (полицейскими), и данная функция наличием отдельных элементов подтверждает факт надзорной деятельности за исполнением законов, который впоследствии будет являться одной из основных функций прокуроров, созданных в Туркестанском крае.

Институт прокуратуры в Туркестанском крае. Вопросы формирования и развития института прокуратуры в его нынешнем облике на территории Республики Узбекистан связаны с завоеванием царской Россией Туркестанского края. Прокуратура в Туркестанском крае зарождалась и развивалась при судах: суды долгое время были «приемными родителями» института прокуратуры. В связи с этим изучение данного института начнем именно с исследования судебных органов.

20 ноября 1864 г. император Александр II утвердил Судебные уставы, которые регулировали дея-

⁵⁰ См.: ЦГА Республики Узбекистан. О взыскании с персидского подданного Хасана Дадашева штрафа за непринятие мер к отвращению опасности укуса собаки. 28 февраля 1913 г. И-126. Канцелярия Кушбеги. О-2. Кн. 3. Л. 3.

⁵¹ См.: ЦГА Республики Узбекистан. О ссоре из-за наследства между гр. Назаровым и Утемуратовым. 12 января 1916 г. И-126. Канцелярия Кушбеги. О-2. Кн. 3. Л. 3.

⁵² Махбубов М. Указ. соч. С. 4.

⁵³ См.: Логинов А. В. Становление института уполномоченного по правам человека (омбудсмена) в Республике Абхазия и в Российской Федерации // *International Law Journal*. 2019. № 3. С. 117—124; Гасанли Азер Абдул-Али оглы. Мухтасибская институциональная система как версия совершенной организации правозащитной системы омбудсманского рода // *Политика и общество*. 2009. № 1. С. 54—59; Кучимов Н. Должность «мухтасиб» в истории государств Востока и ее влияние на формирование института омбудсмена // *Единый все-российский научный вестник*. II. 2016. С. 25—28.

⁵⁴ См.: Логинов А. В. Указ. соч. С. 117.

⁵⁵ См.: Гасанли Азер Абдул-Али оглы. Указ. соч. С. 55.

⁵⁶ См.: Кучимов Н. Указ. соч. С. 27.

⁵⁷ См.: Логофет Д. И. Указ. соч. С. 59.

⁵⁸ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 192.

тельность органов прокуратуры (далее — Судебные уставы). С 1866 г. они постепенно были введены на всей территории России. С завоеванием Российской империей Туркестанского края нормы Судебных уставов планировалось постепенно внедрить в жизнь местного населения.

После создания Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. был утвержден новый проект управления Туркестаном.

При разработке проекта Положения «Об управлении Туркестанским краем» (далее — Положение) в 1868 г. вопрос о переустройстве судебной части был подвергнут обсуждению в особых комиссиях на месте и затем в комиссиях при Министерстве юстиции. Проект судебной реформы предусматривал окончательное разделение судебной и исполнительной власти на самостоятельные ветви, а также необходимость внедрения института прокурорского надзора при судах.

Проект вносился на рассмотрение высших государственных учреждений и вплоть до его пересмотра туркестанскому генерал-губернатору было предоставлено правомочие изменять судебное устройство края. Генерал-губернатором Туркестанского края в 1867 г. был назначен К. П. фон Кауфман. С его именем связаны очень многие реформы в крае, как отрицательные, так и положительные⁵⁹. Некоторые ученые характеризуют К. П. фон Кауфмана как «первого вице-короля в истории Российской империи» (с учетом его исключительных полномочий на осуществление имперской политики в Центральной Азии)⁶⁰. В случае с судебной реформой он не воспользовался правом отделить судебную власть от исполнительной, мотивируя это недостатком денежных средств⁶¹.

Штат судебной части в Туркестанском крае включал следующие органы:

военно-судные комиссии (преступления против правительства, нападение на почту и военный транспорт, грабеж, поджог, явное сопротивление власти и т. д.);

областные правления (должностные преступления, гражданские по искам на сумму свыше 2 тыс. руб., жалобы на приговоры и решения уездных судов); уездные судьи (преступления и проступки, не связанные с лишением и ограничением прав, и т. д.);

уездные начальники (все бесспорные взыскания по денежным обязательствам, заломам и т. д.);

народные суды (все остальные уголовные дела).

Организация судебной части была искусственно раздута. Города были поделены на «русскую» и «ази-

атскую» части. В «русской» части города не было необходимости в столь расширенном штате судебных органов ввиду малого числа русскоговорящих людей. Это и стало основной причиной отсутствия денежных средств.

О самостоятельности судебных органов также не было речи (особенно в «русской» части). Все они были в прямой зависимости от администрации генерал-губернаторства. Несмотря на предписание в ст. 117 Положения о том, что «в Туркестанском крае судебная власть принадлежит: мировым судьям, областным судам и правительствующему сенату», в нем была закреплена норма, что надзорная деятельность осуществлялась генерал-губернатором, который являлся главой Областного правления. При подобной организации суда генерал-губернатору Туркестанского края К. П. фон Кауфману не было нужно учреждать прокурорский надзор.

Но у этой медали была, и другая, более «хрупкая», сторона. В «азиатской» части функционировали суды казиев (для оседлого населения) и биев (для кочевого населения). Суд казиев был проникнут духом религии, и вся его юрисдикция основана на правилах и постановлениях, предписанных Пророком, и разъяснениях его последователей, так что всякая крутая мера в этом отношении принесла бы больше вреда, чем пользы, и вызвала бы «фанатизм и упорство в народе, с которыми так трудно будет сладить»⁶². Поэтому внедрение российских Судебных уставов в жизнь Туркестанского края было чревато определенными рисками. Правительство не решилось подвести все своеобразие, веками установившиеся обычаи гражданских и правовых отношений местного населения под действующие в Империи общие законы. Данная норма в ст. 118 Положения «Об управлении Туркестанским краем» была отражена следующим образом: «У туземцев действуют народные суды, на основании особых о них правил».

В финальной редакции Положения в структуру и функции этих судов были внесены некоторые изменения. Так, казии стали назначаться не беками (правителем области, провинции), а военными губернаторами. Военный губернатор был вправе заменять наказания, вынесенные по шариату, по отдельным приговорам казийских и бийских судов, соответствующими наказаниями по российским военно-уголовным законам, которые в основном влекли смертную казнь или увечье. Военный губернатор мог ограничивать подобные решения и заменять наказания некоторых приговоров по предписанию российских военно-уголовных законов⁶³. Хотя изначально казий не мог вынести приговоры касательно

⁵⁹ См.: Почекаев Р. Ю. Эволюция взглядов на личность и деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отечественной историографии // Кунсткамера. 2019. № 2 (4). С. 170.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ См.: Пояснительная записка к проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874. С. 3.

⁶² Пояснительная записка к проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. С. 50.

⁶³ См.: ЦГА Республики Узбекистан. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909. С. 6.

смертной казни и увечья без предварительного согласования с беком.

Впоследствии телесные наказания, отсечение частей тела и смертная казнь были отменены и взамен были установлены штрафы, арест, каторга, ссылка в Сибирь.

Далее сфокусируем внимание исключительно на судах казиев.

Размышления К. П. фон Кауфмана о судах казиев. В 1872 г. к вопросу о судебной реформе вернулись вновь. В ходе активного обсуждения судебных установлений К. П. фон Кауфман многократно высказывался касательно внедрения российских норм, регулирующих деятельность судов. Эти высказывания зафиксированы в многочисленных протоколах заседания комиссий⁶⁴.

К. П. фон Кауфман считал, что «суд туземцев, хотя, быть может, и неправдивый, но всегда был судом публичным, гласным и состязательным», очень прост, «удобоступен» и знаком народу.

Но подходя ближе к юридическим обычаям народа, К. П. фон Кауфман планировал постепенно и незаметно избавиться от судов казиев. Заменителем этих судов, «без сомнения», представлялся суд по Судебным уставам 1864 г.⁶⁵

Но соединенная в руках областного правления Туркестанского края судебная и административная власть не соответствовала статусу суда по Своду законов 1857 г.⁶⁶, который действовал в царской России. Согласно Своду законов во всех других регионах Империи, кроме некоторых областей Туркестанского края, судебная власть была отделена от административной. К. П. фон Кауфман считал, что признать суд по Своду законов 1857 г. органами судебной власти, где коллегиальность составляет лишь одну форму, а направление дела зависит исключительно от аудитора, было бы ошибочно и даже вредно, ибо зачем в девственной и непочатой стране и притом с несомненным хорошим будущим вводить такой суд, который в непродолжительное время делается достоянием лишь истории⁶⁷.

К. П. фон Кауфман понимал, что в Туркестанском крае более чем где-либо во имя поддержания административной власти нужно ограничить полную независимость судебных установлений как в «русской», так и в «азиатской» части населения⁶⁸, ведь независимость судов означала полную их неподчиненность

исполнительной власти, что было так неудобно для генерал-губернатора.

Эффективность надзора администрацией над судебными органами зависела:

1) от густонаселенности «русской» части. Для эффективности русских судов необходима была густонаселенность местной территории русскими гражданами. В рассматриваемый период населенность края русскими оставляла желать лучшего. По мере движения русских сил в глубь Средней Азии правительство принимало разнообразные меры к привлечению туда как можно большего числа русских. Переезд чиновников и офицеров на службу в Туркестанский край сопровождался солидными пособиями от казны; служба обставлялась привилегиями и льготами в отношении содержания, сроков выслуги пенсий и т. п., коммерсантам были предоставлены облегчения по платежу акциза⁶⁹. Все эти меры в совокупности способствовали росту числа русскоговорящего населения⁷⁰;

2) от квалификации русских кадров, так как коренное население не было вовлечено в вопросы реформирования. Широкие преференции стали привлекательными, к сожалению, в основном для лиц, которым не удалось сделать удачную карьеру в метрополии и которые не смогли себя реализовать. А местное население, по мнению администрации, должно быть просто ведомым данными неквалифицированными кадрами. Иными словами, изначально намерений развивать коренное население не было;

3) от преследуемых целей. Отношение к краю завоевателей страдало поверхностным и не всегда глубоким анализом ситуации. Как отмечает Т. В. Котюкова, нередко переселенцами двигало откровенное чувство наживы⁷¹.

Необходимость судебной реформы. Со временем реформа судостроительства представлялась необходимой мерой, что обуславливалось несколькими ключевыми факторами:

1) экономическая составляющая. Экономическое значение областей, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства и затрагивающее интересы местного населения, ясно указывало Кауфману на необходимость введения в край такого суда, который давал бы надлежащие гарантии появившемуся в крае значительному иностранному капиталу и русским людям. Капиталы коммерсантов, помещенные в гражданский

⁶⁴ См.: Пояснительная записка к проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. С. 25.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ URL: <http://Pravo.gov.ru/ips/svod>.

⁶⁷ См.: Пояснительная записка к проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. С. 25.

⁶⁸ См.: Записка о судной части в Туркестанском крае. 1884 г.

⁶⁹ См.: К вопросу, возможно ли введение института земских начальников в Туркестанском крае // Туркестанские ведомости. 1893. № 26.

⁷⁰ См.: Постигшая европейскую Россию и часть Зауралья голодовка 1891—1892 годов дала новый толчок к наплыву в Туркестанский край русских крестьян // Туркестанские ведомости. 1893. № 26.

⁷¹ См.: Котюкова Т. В. Туркестанское направление думской политики России (1905—1917 гг.). М., 2008. С. 29.

оборот Туркестанского края с постепенным развитием последнего, приобретают все более широкие размеры и требуют самых серьезных и прочных гарантий со стороны судебной власти. Отсутствие же «правильного суда», по мнению правительства, не может не отразиться пагубно на развитии русского населения в крае и несомненно повлечет прекращение дальнейшего прилива капиталов в край⁷². Данная мера также расположила бы коренных коммерсантов к правительству и способствовала бы упрочению значения русской власти;

2) неквалифицированность Областного правления. О неудовлетворительной деятельности Областного правления как судебного органа составители проекта 1881 г. в объяснительной записке высказались следующим образом: «Состоя в большинстве из лиц, не имеющих юридического образования, будучи обременены массою административных обязанностей, составляющих главное их назначение, областные правления могут уделять судебным делам весьма недостаточно времени и внимания, отчего в течении судных дел происходит крайняя медленность, дела остаются без движения, приговоры и решения часто отличаются несообразностью и неправильным пониманием или применением законов. Предоставление областным правлениям функций суда не соответствует главному их назначению, как учреждений чисто административных»⁷³.

Новое Положение. 12 июня 1886 г. в Положение были введены изменения, вступившие в силу с 1 января 1887 г. (далее — Новое Положение). Согласно Новому Положению вся судебная часть Областного правления передана в ведомство Министерства юстиции: в областях были учреждены областные суды, а в уездах — мировые судьи и их помощники. В статью 120 Нового Положения вносятся изменения и дополнения следующего содержания: «Для прокурорского надзора, при областных судах состоят областные прокуроры и их товарищи»⁷⁴.

На содержание прокурора в Сыр-Дарьинской и Зеравшанской областях планировалось выделять 3300 руб., товарища прокурора — 2000 руб. в год. В Ферганской области планировалось введение только должности прокурора⁷⁵.

Далее ст. 123 установлено, что министром юстиции формируются, увольняются и перемещаются на должность областной прокурор и его товарищи. Это означало, что надзор за судебными установлениями

принадлежал именно министру, он же являлся генеральным прокурором Империи.

Внедрение института прокурорского надзора в Туркестанском крае стало возможным только после смерти К. П. фон Кауфмана (1882), поскольку он искусственно создавал барьеры и тормозил судебную реформу.

Последствия введения института прокурорского надзора. Введение должности прокурора в Туркестанском крае теоретически означало полное отделение судебной власти от административной. На повестке дня стоял вопрос о внедрении принципа сдержек и противовесов в Туркестанском крае. Данное нововведение оказалось достаточно резонансным: «Будет или не будет существующий в крае прокурорский надзор подчинен административной власти?»⁷⁶.

Но законодатель не торопился проводить «красную линию» между административной и судебной властями. Пока он находился в поиске оптимальных решений, поэтому ст. 133 Нового Положения также была изменена: «Надзор за судебными установлениями принадлежит Министру Юстиции и высшим, в порядке подчиненности, установлениям над низшими. Генерал-губернатору принадлежит также надзор за судебными установлениями в пределах, указанных в Общем Губернском учреждении». Это означало, что судебные установления зависят от главного начальника края, который осуществляет общий надзор. Кроме того, генерал-губернатору представлялись копии годовых отчетов по судебной части края и от него же зависело утверждение расписаний следственных участков и определение их границ.

Ответственность коренного населения по общим законам была значительно расширена. По мнению правительства, лестница наказаний со степенями обеспечит наилучшую жизнь и безопасность мусульманину. Иными словами, некоторые уголовные дела из судопроизводства казиев были напрямую переданы в русские суды, в частности преступления: против веры христианской, государственные, против порядка управления, по службе государственной и общественной, против постановлений и повинностях государственных и земских, против имущества и доходов казны, против общественного благоустройства и благочиния: а) нарушения устава карантинного; б) нарушения постановлений против повальных и прилипчивых болезней; в) нарушения правил, установленных на случай падежей скота, и др.

Общему суду подлежали также дела по всем преступлениям и проступкам, совершаемым коренным населением в отношении русских, а равно в пределах русских поселений⁷⁷.

⁷² См.: Записка о судной части в Туркестанском крае. 1884 г.

⁷³ ЦГА Республики Узбекистан. И. 1. О. 25. Д. 29. Л. 4. Протокол заседаний комиссий под председательством графа Н. Игнатьева по обсуждению проекта ревизии об устройстве суда в Туркестанском крае.

⁷⁴ Положение «Об управлении Туркестанским краем». Т. 2. Ч. 2. СПб., 1886. С. 17.

⁷⁵ См.: ЦГА Республики Узбекистан. И-1, О-25, Д-29. Протокол заседаний 30 марта и 19 апреля 1884 г. Л. 7.

⁷⁶ Южаков Ю. О земских начальниках в Туркестане. Ташкент, 1894. С. 24.

⁷⁷ См.: Крафт И. И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898. С. 70.

Правительство было заинтересовано в расширении влияния на народные суды посредством введения института прокурорского надзора. Поэтому в 1887 г. Совет Туркестанского генерал-губернаторства считал необходимым, кроме случаев неподсудности или превышения власти, предоставить прокурору право протеста против всех приговоров народных судей, по которым наказание превышает трехмесячное заключение в тюрьму или штраф в 50 руб. как по жалобам обвиненных, так и по своему усмотрению, а в случае заочного решения народных судей, кроме того, — по вопросам о мере наказания и сроке давности⁷⁸.

Данная норма была закреплена в ст. 216 Нового Положения: «Приговоры и решения народного суда⁷⁹, постановленные с превышением власти или по делам, ему неподсудным, не приводятся в исполнение и о них уездный начальник представляет прокурору. Последний вносит протест в областной суд, который в случае отмены приговора возвращает дело с надлежащими указаниями в народный суд для постановления нового решения, а при недопустимости дела народному суду — дает ему законное направление»⁸⁰.

Это означало, во-первых, что прокурор должен был вносить свои протесты только с «подачи» уездного начальника, тем самым попав в полную зависимость от усмотрения чинов администрации;

во-вторых, он становился «коридором», при помощи которого открывался проход в здание народного суда (суд казиев);

в-третьих, прокурор через институт протеста⁸¹ становился фактором сдерживания приговоров казиев, а впоследствии — и приговоров судей.

Конфронтация прокуратуры и уездных начальников. Со временем полемика относительно принадлежности прокурорского надзора к власти судебной или административной обострилась, научный мир данное взаимодействие характеризовал как «в Туркестане прокурорский надзор есть власть административно-судебная»⁸².

Ученые прогнозировали, что внесение протеста при подаче уездного начальника «встретит решительный отпор в судебном ведомстве, так как никакая посторонняя власть не должна прикасаться к судебным учреждениям»⁸³.

На практике, кроме дел судебных, прокуроры наблюдали за всеми делами по незаконным действиям административных лиц и по жалобам на их действия, — словом, прокурор входил во все отношения между населением и властями. Он принимал жалобы на действия чиновников, не исключая губернаторов. Таким образом, в глазах населения функционировали две власти: одна — его прямое начальство; другая — какая-то посторонняя власть, но настолько сильная и независимая, что присматривала за его начальством и принимала на него жалобы⁸⁴.

Вместо того чтобы свести к минимуму возможные ошибки в управлении, власть сознательно прибегала к легальному установлению правовых коллизий.

Дальнейшее развитие отношений между администрацией и прокурорским надзором. Со временем институт протеста прокурора начал набирать обороты. Прокуроры стали оставлять без последствий представления уездного начальника; совет генерал-губернатора (исполнительного органа) был сильно возмущен этим фактом, и назревал конфликт. Отмечалось, что «при таком праве уездный начальник может быть лишен всякой возможности ходатайствовать об отмене решения народного суда, признаваемого им неправильным, что не соответствовало бы его праву наблюдать за должностными действиями народных судей, предоставляемому ему положением 1886 г.»⁸⁵.

В случае несогласия прокурора вносить в областной суд протесты, предоставляемые уездными начальниками, Совет планировал предоставление права внесения протеста уездным начальником через военного губернатора. Однако данный план не был реализован в связи с тем, что прокуроры начали вполне обоснованно претендовать на самостоятельность. Такое развитие событий обусловлено отсутствием должной квалификации у уездных начальников в правовых вопросах и вероятностью потери ими контроля над народными судами. Прокуроры, осознавая тяжесть данных «оков», стали игнорировать обращения уездных начальников по вопросам протестов в областные суды.

В 1892 г. ст. 133 Нового Положения дополняется уточнением: «Генерал-Губернатор по всем делам, подлежащим рассмотрению и решению судебных мест в установленном для того порядке, руководствуется постоянно правилом, что он не судья, но только блюститель правосудия и установленного порядка. Он по сему отнюдь не вмешивается в обсуждение существа дела, когда по закону к тому не уполномочен, но в случае медленности, проволочки, беспорядков и нарушения форм в производстве суда принимает меры для пресечения их и законного направления дел в установленном порядке»⁸⁶. Данная норма была оправ-

⁷⁸ См.: ЦГА Республики Узбекистан. Судебная реформа. И-134, 0-1. Ед. хр. 1. Прокурор Сыр-Дарьинского областного суда. Л. 29—31.

⁷⁹ См.: Народные суды Туркестанского края.

⁸⁰ Положение «Об управлении Туркестанским краем». Т. 2. Ч. 2. С. 28.

⁸¹ Институт протеста прокурора оказался настолько живучим, что присутствует в законодательстве о прокуратуре не только в Республике Узбекистан, но и во многих странах постсоветского пространства.

⁸² Южаков Ю. Указ. соч. С. 24.

⁸³ Там же.

⁸⁴ См.: Южаков Ю. Указ. соч.

⁸⁵ Крафт И. И. Указ. соч. С. 101.

⁸⁶ Положение об управлении Туркестанским краем. Мобилизационный отдел. Т. II. СПб., 1892. С. 19.

данием вмешательства исполнительной власти в судебную. Несмотря на осознание генерал-губернатором правоты прокуроров, он не был намерен распределять свою единоличную власть.

Конфликт между чинами туркестанских судебных установлений и представителями местной администрации длился очень долго. По чьей бы вине ни происходила рознь между судебными и административными чинами, вред ее представлялся бесспорным. Действительность доказывала, что конфликт весьма невыгодно отражался и на ходе управления краем, и на отправлении в нем правосудия. Это «длящееся зло» необходимо было устранить путем судебной реформы⁸⁷.

Судебная реформа была призвана заложить основу равноправия между ветвями судебной и исполнительной власти. «Предположения по сему предмету министра юстиции не вызывали возражений со стороны степного генерал-губернатора и Министерства внутренних дел, туркестанский же генерал-губернатор и Военное министерство высказали, что полное в Туркестанском крае обособление судебной части нежелательно, так как может быть истолковано населением в смысле умаления власти генерал-губернатора. Между тем в силу политической особенности края простое уже предположение об ослаблении этой власти способно вызвать серьезные затруднения, посему необходимо, до времени, сохранить за ним право надзора за местными судебными учреждениями и даже возможность оказывать на них некоторое, в потребных случаях, воздействие»⁸⁸. Словом, ни генерал-губернатор, ни прокуроры не собирались идти на уступки.

Тем временем в преддверии 1898 г. в Министерстве юстиции готовилась очередная реформа судебной части и в степных областях — это дало повод ожидать, что с введением в крае Судебных уставов императора Александра II Новое Положение будет распространено в одинаковой мере на русское и коренное население, и что народные суды будут низведены на степень обыкновенных крестьянских или станичных судов.

После восстания в Андижане 1898 г. все чаще были слышны голоса о предстоящем «капитальном ремонте» Нового Положения. Осуществление судебной реформы должно было произойти не сегодня-завтра, вслед за этим важным вопросом на очередь были поставлены задачи полной реорганизации народного суда. Но ожидания эти оказались преувеличенными, так как всякое посягательство на народный суд уже будет принято населением как посягатель-

ство на религию. Поэтому судебная реформа не коснулась народных судов⁸⁹.

Временные правила. 2 июня 1898 г. Государственный совет принимает Высочайше утвержденные Временные правила о применении Судебных уставов в областях Сырдарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской (далее — Временные правила).

Временные правила были приняты с целью создания правового фундамента для дальнейших судебных установлений 1899 г., которые далее действовали вплоть до революции 1917 г. Одной из целей Временных правил являлось утверждение самостоятельной и независимой судебной власти и воспитание у народа уважения к закону.

Отныне ст. 200 Временных правил закрыла «вход» для службы в данное ведомство местному населению введением следующего дополнения: «В должности по судебному ведомству могут быть определяемы только русские подданные». Де-факто этот запрет существовал и ранее, но де-юре был введен именно Временными правилами.

Далее ст. 202 Временных правил установила требования к знаниям лиц, занимающих должности в судебных органах, в частности требование о наличии аттестатов университетов или «других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук, или о выдержании экзамена в сих науках, или же доказавших на службе свои познания по судебной части»⁹⁰. С этих пор правовые познания являлись основным требованием для отправления правосудия, что предотвращало откровенное вмешательство в решение судебных дел. Отныне должностные лица судов могли ссылаться на свою правовую квалификацию как на подтверждение своих действий.

Временные правила ст. 210 также установили минимальные требования к рабочему стажу в зависимости от прокурорского чина⁹¹: товарищ прокурора Окружного суда — не менее четырех лет, прокурор Окружного суда и товарищ прокурора Судебной палаты — не менее шести лет, прокурор Судебной палаты и товарищ обер-прокурора — не менее восьми лет, обер-прокурор — не менее 12 лет.

Относясь с большой осторожностью к изменению постановлений о народном суде, Временные правила все же расширяют пределы подсудности по общим законам. Так, коренному населению была предоставлена возможность обращаться к защите русского суда в тех случаях, когда они не могут рассчитывать на скорое и справедливое удовлетворение в народном суде. Таким образом, у местного населения появилась возможность обращения к прокурорам за пра-

⁸⁷ См.: ЦГА Республики Узбекистан. И-134, О-1. Ед. хр. 1. Прокурор Сыр-Дарьинского областного суда.

⁸⁸ Предстоящая судебная реформа // Туркестанские ведомости. 1899. 4 апр.

⁸⁹ См.: Крафт И. И. Указ. соч. С. 129.

⁹⁰ Там же. С. 119.

⁹¹ Там же. С. 129.

вой защитой в случае неудовлетворенности решением народных судов.

Новые судебные установления 1899 г. 14 мая 1899 г. в Ташкенте отмечают открытие новых судебных установлений (далее — Установления 1899 г.)⁹². Местная интеллигенция, ознакомившись с новым порядком, возлагала большие надежды на Установления 1899 г. В частности, в местной газете «Туркестанская область» в 1899 г. отмечено: «Новый суд, возможно, в конечном итоге нацелен на поднятие настроений и умов граждан на высокий уровень, ибо люди чистые и невинные, разумея приговор суда и преступления, заслуживающее его, будут знать и, наверняка, почувствуют истинные права свои и справедливость ...и не будут распоряжаться имуществом людским не по закону. Таким образом ...будь то русский или мусульманин, а именно, невинные люди, попадая в суд, будут выходить оправданными, а грешные — наказанными, и в душе согласными с правым решением оногo. Если так, и мусульмане, попадая в этот суд, должны будут иметь приговор равно быстрый и справедливый, как и у русских, следовательно, они могут считать себя на равных с русским народом...»⁹³. Народ надеялся, что будет уравнен в правах с русскими.

Согласно Установлениям 1899 г. прокуратура все так же состояла при судебных органах. В Туркестанском крае действовала двухзвенная прокуратура: 1) прокуратура при судебной палате; 2) прокуратура при окружных судах.

При мировых судах прокуратуры не было. Окружной прокурор подчинялся прокурору судебной палаты, а прокурор судебной палаты непосредственно министру юстиции. Во главе всей прокуратуры все так же стоял министр юстиции, являющийся генеральным прокурором.

Деятельность прокуроров при судебной палате осуществлялась по трем направлениям:

1) возбуждение уголовного преследования, руководство полицейским дознанием, наблюдение за предварительным следствием, направление дела, обличение подсудимых перед судом, опротестование приговоров, распоряжение по их исполнению и участие в возобновлении уголовных дел;

2) надзор за соблюдением законов по делам судебного ведомства. Сюда же относится присутствие в заседаниях общего собрания департаментов Ташкентской судебной палаты с участием распорядительных и судебных заседаний того и другого департаментов и предъявление последним заключений о применении закона, распоряжения по поводу замеченных упущений, возбуждение дисциплинарного производства;

3) наблюдение за местами заключения и за правильностью заключенных в тюремные помещения⁹⁴.

Пункт 4 Установлений 1899 г. гласил: «Права и обязанности, присвоенные Областным Судам и Областным Прокурорам в отношении народных судов, переходят к Окружным Судам и Прокурорам сих Судов, по принадлежности»⁹⁵.

Окружной прокурор принял практику старой областной прокуратуры опротестовывать все постановления народного суда с превышением власти или нарушением подсудности их решения.

Превышение власти. Что касается понятия «превышение власти» как повода к отмене приговоров или решений народного суда, то относительно толкования этого понятия в практике замечается колебание.

Одни судебные деятели относят сюда только такие случаи незаконных действий народного суда, как присуждение к наказанию свыше меры, предоставленной ст. 219 Нового Положения; другие, наоборот, признают превышение власти, влекущее кассацию решения, даже при несоблюдении процессуальных обычаев, и т. п.

В строгом смысле всякое нарушение порядка судопроизводства есть вместе с тем нарушение пределов принадлежащей суду власти. Но обсуждая вопрос об объеме превышения власти как повода к отмене решений народного суда, следует иметь в виду, что законодатель в ст. 218 Нового Положения не упоминает в качестве основания кассации нарушения форм и обрядов судопроизводства, потому что он (законодатель) не смог нормировать судопроизводственные правила для народных судов, так как последние руководствовались нормами шариата и существующими обычаями.

В статье 211 Нового Положения были указаны некоторые руководящие и обязательные для народного суда постановления о подсудности, пределах власти в наложении наказаний, основаниях к началу дел, о публичности и гласности судебного разбирательства, о порядке и сроках обжалования решений и т. д.

Эти нормы и были созданы для того, чтобы обозначить власть народного суда. Отсюда можно сделать вывод, что их несоблюдение и представлялось превышением власти.

Приведем пример. Самаркандским окружным судом был отменен приговор народного судьи (казия) по делу о самовольной порубке в сельском общественном лесу. Причиной явилось то обстоятельство, что казий не присудил виновного к уплате компенсации потерпевшему за убытки, а самовольно срубленный лес постановил употребить на ремонт мечети. В чем здесь заключается превышение власти — сказать трудно. Приговором суда не были нарушены даже обычные нормы⁹⁶.

Окружные суды в таких случаях действовали не единодушно. Одни из них признавали, что подоб-

⁹² См.: Туркестанские ведомости. 1899. 16 мая.

⁹³ Газета Туркестанской области. 1899. 16 мая.

⁹⁴ См.: Махбубов М. Указ. соч. С. 19—20.

⁹⁵ Туркестанские ведомости. 1899. 16 мая.

⁹⁶ См.: Народные суды Туркестанского края. С. 107.

ные приговоры подлежали отмене, другие, наоборот, протесты, вносимые прокурорами по таким делам, оставляли без рассмотрения.

Прения по протестам. После проведения судебной реформы 1899 г. прокуроры окружных судов приняли от старой областной прокуратуры уже установившуюся практику, согласно которой прокурорский надзор не считал себя связанным представлениями уездных начальников и опротестовывал все постановленные с превышением власти или нарушением подсудности решения народного суда.

Прокурорский надзор заручился поддержкой правительствующего Сената и теперь областному прокурору предоставлялось право вносить протесты не только по представлению уездных начальников, но и по другим дошедшим до него источникам: при рассмотрении какого-либо судебного дела, при посещении тюрьмы, по подтвердившемуся доносу и т. д.

Редакция ст. 218 Нового Положения оставалась неизменной, однако в данном вопросе прокурор Ташкентской судебной палаты нашел возможным не придерживаться буквы закона и в своем отзыве от 6 июня 1907 г. № 440 на запрос по этому предмету туркестанского генерал-губернатора совершенно основательно сообщил ему, что, по общему духу учреждения прокурорского надзора, лицо прокурорского надзора руководствуется единственно своим убеждением и существующим законом. В связи с этим предложение прокурором окружного суда какого бы то ни было заключения или протеста, им самим не разделяемого, представляется совершенно невозможным⁹⁷.

Таким образом, прокурор начал полноценно очерчивать границы своей юрисдикции, которые не могут быть нарушены иными должностными лицами.

Протест прокурора: статистические данные. За период с 1905 по 1907 г. прокурорским надзором был подан 61 протест на приговоры народного суда, присуждавшие к наказаниям за деяния, не признаваемые преступными по русским законам. Из этих протестов 56 было удовлетворено и 5 оставлено без последствий.

Так, по одному делу местный гражданин был приговорен к трехмесячному аресту «за употребление пива»; по другому — осужден к заключению в тюрьму на четыре месяца «за дурное поведение»; в третьем случае четверо местных граждан были приговорены к тюремному заключению сроком на четыре месяца «за нетрезвое поведение»⁹⁸. Прокурор считал, что в данных делах отсутствуют признаки преступлений.

К началу XX в. преступления, связанные с пьянством, стали «популярны» в Туркестанском крае после строительства железных дорог. Дело в том, что на всех железнодорожных станциях появились рестора-

ны и бары, как было принято в России. Отрицательным явлением, сопутствующим их открытию, стало пьянство местного населения⁹⁹.

По нормам шариата все, что опьяняет (хамр), считалось мерзостью в высшей степени, и незаконность пьянства не подлежала доказательству¹⁰⁰. Российские законы явно были писаны не для мусульман. Происходило сознательное разрушение обычаев, выработанных тысячелетней культурой¹⁰¹.

Но выясняется и диаметрально противоположное разрешение тождественных случаев не только в разных округах, но и в одном округе одного и того же суда.

По протесту прокурора Самаркандского окружного суда в 1905 г. был отменен приговор народного судьи, приговоривший к аресту на 15 дней местного мясника за продажу мусульманам мяса баранов, резанных евреями, на том основании, что в этом деянии отсутствуют признаки преступления.

Аналогичный случай был поставлен народным судьей Сыр-Дарьинской области. Два мясника, на лавке которых имелась вывеска о продаже мяса еврейской резки, были приговорены народным судьей к тюремному заключению за продажу этого мяса мусульманам. Уездный начальник обратился к прокурору суда с представлением об отмене назначенного приговора, но прокурор считал протест необоснованным, ибо запрещение мусульманами своим единоверцам допускать в свои мясные лавки резников евреев или даже производить тот или иной вид торговли, никоим образом не может считаться нарушением порядка управления¹⁰².

Прокурор возразил уездному начальнику что согласно Новому Положению народные судьи разбирают дела на основе своих обычаев и знать российские законы не обязаны. В силу ст. 219 Нового Положения народные судьи на основе этих обычаев налагают наказания по делам «о преступлениях и проступках»¹⁰³. Таким образом, мы видим, что одни и те же нормы прокурорами толковались по-разному.

Статья 210 Нового Положения предоставляет народному суду право разрешать подсудные ему дела на основании существующих обычаев, но это широкое правило ограничивается ст. 219, которая указывает, что наказания народный суд налагает лишь за

⁹⁹ См.: Чернов О. А. Деятельность российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1. С. 55.

¹⁰⁰ Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права. Ч. 2. Т. 3—4. М., 2008. С. 462.

¹⁰¹ См.: Мусульманские юристы (факихы) не просто были учеными *sui generis*, а непременно богословы, раскрывающие в своих исследованиях право (фикх).

¹⁰² См.: Народные суды Туркестанского края. С. 118.

¹⁰³ Там же.

⁹⁷ Народные суды Туркестанского края. С. 105.

⁹⁸ Там же. С. 116.

преступления и проступки. Положение не давало пояснений данному выражению. Вопрос, какие именно деяния признавались преступными по общему праву, оставался недосказанным, неясным и открытым.

Неясность в регулировании обычного права Новым Положением порождала массу недовольств и неправильное толкование норм при правоприменении. В связи с этим, по нашему мнению, отмененные и опротестованные решения народного суда не могли служить действительным показателем количества допущенных нарушений. Происходили насильственный разлом и вмешательство в нормы мусульманского права. Постепенно разрушалось все то, за что боролись мухтасибы.

Со временем в Туркестан через Россию стало проникать не только европейское право, но и культура, оказавшая определенное влияние на культуру местных народов. Вместе с правом, культурой, наукой, техникой, школами с новыми методами преподавания в крае стали появляться национально-прогрессивные группы — шел процесс консолидации оппозиционных сил.

В отчете за 1902 г. военный губернатор Н. Корольков предупреждает правительство о вредном влиянии на население лиц, высылаемых в край за политические преступления. Вредное влияние остается в полной силе, ибо число этих лиц и вообще людей неблагонадежных с тех пор в значительной мере увеличилось и деятельность их сделалась смелее и решительнее¹⁰⁴. Данное обстоятельство заложило основу для формирования революционных настроений. Следует признать, что с этого момента прокуратура стала одним из главных звеньев в государственном аппарате борьбы с революционным движением в стране, за что ее и возненавидела впоследствии советская власть.

К тому же в рассматриваемый период на страницах газет участились публикации о переходе в мусульманство коренных русских — и ни одного обратного случая¹⁰⁵. На наш взгляд, военный губернатор опасался постепенного перехода приезжего русского населения в другую религию, культуру и быт.

С 1906 г. прокурор Ташкентской судебной палаты становится полноправным членом Совета генерал-губернатора. С учетом предыстории складывавшихся взаимоотношений автор придерживается мнения, что прокуроры своим трудом заслужили признание и доверие генерал-губернатора.

Система прокуратуры существенно не изменялась вплоть до падения царского режима, если не считать увеличения числа административных присутствий, в которых должен был участвовать прокурор, т. е. увеличения надзорной деятельности прокуратуры.

Выводы. Для чего мы возвращаемся к истории? Во-первых, чтобы знать, кто мы есть на самом деле. Народ, забывший свою историю, теряет смысл своего существования и растворяется среди других народов. Данный тезис отчасти подтверждается фактом регулярного обращения отечественных исследователей, занимающихся историей прокуратуры, к опыту зарубежных стран, который не вспахан, не просеян и тем более не выращен на нашей почве. Таковым является, например, предложение об упразднении института протеста прокурора, которое стало популярным у выходящих на защиту соискателей. Подобные «новеллы», как правило, глубоко не исследуются, не обосновываются и предлагаются для расширения списка выводов и предложений диссертантов.

Во-вторых, знакомство с историей помогает лучше понять собственные проблемы. Участвовавшие сегодня случаи отсутствия единого правопонимания и правоприменения как в органах прокуратуры, так и в судах являются верным доказательством сказанного. Из этого следует, что при разработке норм законов надо избавляться от разных «форточек» и отсылочно не урегулированных норм, которые и порождают правовые коллизии.

В-третьих, нельзя забывать, что система управления и административное устройство здравы и живучи только тогда, когда основаны на данных, почерпнутых из объективной оценки прошлых событий. Таковыми являются исторические обстоятельства, породившие конфликт между органами исполнительной власти и прокуратурой в Туркестанском крае. Существует ли полная гармония во взаимоотношениях между этими двумя органами сегодня? Всегда следует помнить, что государственный механизм приобретает стабильность только в том случае, когда между органами прокуратуры и исполнительной ветвью власти наступит «взаимопонимание», но не «взаимопроникновение».

В-четвертых, необходимо признать, что сегодня при разработке законодательных актов мы перестали обращаться и учитывать собственные исторические факты. Таковым является принцип «сдержек и противовесов», в основе которого функционировал институт мухтасибов (раисов), являющийся независимым от исполнительной и судебной власти, за который боролись прокуроры в Туркестанском крае и который долгое время игнорировался исполнительной властью.

Нельзя забывать, что в основе формулы «разделения властей» лежит необходимость ее адаптации к современным (в том числе национальным специфическим) условиям развития государственности. Следовательно, власти сегодня нет необходимости подчинять институт прокуратуры исполнительной ветви, слепо руководствуясь зарубежным опытом. Согласно Г. Гегелю «государственный строй может

¹⁰⁴ Всеподданнейший отчет за 1903 г. С. 7.

¹⁰⁵ См.: *Остроумов Н.* Sine ira et studio // Туркестанские ведомости. 1909. 20 нояб.

быть только результатом предшествующего развития, никто не стоит вне своего времени»¹⁰⁶.

В-пятых, следует помнить, что к либерализации уголовного законодательства нужно относиться осторожно, она может сыграть на руку многим другим преступлениям, как это было в Туркестанском крае, когда пьянство перестало считаться преступлением и в Уголовном кодексе появились статьи с оговоркой «в состоянии алкогольного опьянения».

В-шестых, история не меню, где можно выбрать блюдо по вкусу. Она доказывает, что дальнейшее изучение и исследование института мухтасибов требует знаний и понимания — понимания того, что не

следует принимать скоропалительные решения, повторять прежние ошибки. В частности, упразднение института мухтасибов в период правления царской России спровоцировало рост правонарушений и преступлений в Туркестанском крае, в первую очередь на базарах.

В-седьмых, современным исследователям, занимающимся изучением института прокуратуры, необходимо обращаться к генезису органов прокуратуры, и очень важно, чтобы в этом вопросе они руководствовались не скоростью, а терпением. Только в этом случае мы сможем взглянуть в историческое прошлое, понять и осознать, как все было на самом деле и почему это привело к тем или иным результатам.

¹⁰⁶ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 468.

Библиографический список

- Stone C. *The Muhtasib*. Saudi Aramco World. 1977.
- Абу Юсуф Йакуб Ибрахим ал-Куфи. *Китаб ал-Харадж* (мусульманское налогообложение). СПб., 2001.
- Асророва Л. Абу Хафс Кабир Бухорий ва Ханафий фикҳи. Ташкент, 2014.
- Бартольд В. В. *Сочинения*. Т. II. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. М., 1964.
- Буриев И. Б. Контроль за должным поведением и институт мухтасиба в средневековой государственности таджиков // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2009. № 4.
- Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарий мусульманского права. Ч. 2. Т. 3—4. М., 2008.
- Бухарский мухтасиб в начале XX века. URL: googleweblight.com.
- Бухарское ханство в фотоколлекциях. URL: www.kunstkamera.ru.
- Гасанли Азер Абдул-Али оглы. Мухтасибская институциональная система как версия совершенной организации право-защитной системы омбудсманского рода // *Политика и общество*. 2009. № 1.
- Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990.
- Ислам. *Энциклопедический словарь*. М., 1991.
- К вопросу, возможно ли введение института земских начальников в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1893. № 26.
- Котюкова Т. В. *Туркестанское направление думской политики России (1905—1917 гг.)*. М., 2008.
- Крафт И. И. *Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях*. Оренбург, 1898.
- Кук М. *Шестой столп ислама. Запрещение осуждаемого*. Пер. с англ. СПб., 2008.
- Кучимов Н. Должность «мухтасиб» в истории государств Востока и ее влияние на формирование института омбудсмена // *Единый всероссийский научный вестник*. II. 2016.
- Логинов А. В. Становление института уполномоченного по правам человека (омбудсмана) в Республике Абхазия и в Российской Федерации // *International Law Journal*. 2019. № 3.
- Логофет Д. И. *Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние*. СПб., 1909.
- Лыкошин Н. С. *Полжизни в Туркестане*. Пг., 1916.
- Маварди. *Книга казия: в 2 т*. Багдад, 1973. Т. 2.
- Махбубов М. *Создание и развитие органов прокуратуры в Узбекистане: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Ташкент, 1993.
- Низомулмулк. *Сиесатнома* (Сияр ул-мулк). Ташкент, 2008.
- Остроумов Н. *Sine ira et studio* // *Туркестанские ведомости*. 1909. 20 нояб.
- Петрушевский И. П. *Ислам в Иране в VII—XV веках*. Л., 1966.
- Положение «Об управлении Туркестанским краем». Т. 2. Ч. 2. СПб., 1886.
- Постигшая европейскую Россию и часть Зауралья голодовка 1891—1892 годов дала новый толчок к наплыву в Туркестанский край русских крестьян // *Туркестанские ведомости*. 1893. № 26.
- Почекаев Р. Ю. Эволюция взглядов на личность и деятельность первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отечественной историографии // *Кунсткамера*. 2019. № 2 (4).
- Пояснительная записка к проекту положения об управлении в областях Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1874.
- Предстоящая судебная реформа // *Туркестанские ведомости*. 1899. 4 апр.
- Прокуратура Республики Узбекистан: 70 лет на страже закона. Ташкент, 1992.
- Пулатов Б. Х. *Прокурорский надзор*. Ташкент, 2009.
- Раджабов К., Кандов Б. *Жахон тарихидаги сулола ва давлатлар*. Ташкент, 2015.
- Семенов А. А. *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей в средневековой Бухаре*. М., 1948.

- Сокит М. Н. Институты правосудия в исламе. Тегеран, 1325 г. х.
 Сура 9. Коран / пер. с араб. И. Ю. Крачковского. М., 1990.
 Темур тузуклари (Уложения Тимура). Ташкент, 2019.
 Халикова Р. Э. Об административном управлении Бухарского ханства во второй половине XIII — начале XIX века // *Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн.* 2014. № 8 (9). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1547>.
 ЦГА Республики Узбекистан. Народные суды Туркестанского края. СПб., 1909.
 Чернов О. А. Деятельность российского политического агента Н. В. Чарыкова в Бухарском эмирате // *Известия Саратовского университета.* 2008. Т. 8. Серия: История. Международные отношения. Вып. 1.
 Шайх Мухаммад Содиқ Мухаммад Юсуф. Олам ва одам. Дин ва илм. Ташкент, 2019.
 Шизари. Китоб нихоят ал-рутба фи талаб ал-хисба. Кохира, 1936.
 Южаков Ю. О земских начальниках в Туркестане. Ташкент, 1894.

Genesis of the Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan: “The East Is a Delicate Matter”

G. R. Malikova, Academy under the General Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan, Tashkent 100047, Republic of Uzbekistan

E-mail: pmmalikova@gmail.com

DOI: 10.12737/jflcl.2020.033

The author studies the institute of the Prosecutor's office of the Republic of Uzbekistan in its retrospect, since this aspect is not fully studied.

The purpose of the article is to study and understand the genesis, theoretical and practical issues related to the essence and nature of the system of domestic prosecution.

By the method of synthesis, the author connected the disparate parts of the material under study, and by the method of analysis studied it in combination. Thus, for the first time in the study of this Institute, the author drew a parallel between the activities of the muhtasibs, who performed supervisory functions under Sharia law, and the prosecutors created at the courts after the conquest of the Turkestan region by tsarist Russia. The author examines the background and environment in which the Prosecutor's office of the Turkestan region was formed; the path of its formation and development, passed through a collision and shock.

The author considered it necessary, first of all, to study the archival documents and on their basis to study the dynamics of events and decisions taken, laid as the basis for the Institute of public prosecution. They help to better understand the motivation of historical decisions that were directly related to the Prosecutor's office. The actual material presented in them is priceless, so it requires a careful approach, since a number of documents have not yet been fully studied by researchers.

Conclusion: in matters of further development of the strategic course of the Prosecutor's office, first of all, it is necessary to reasonably assess their accumulated historical experience, and only on this basis to develop well-thought-out actions.

Keywords: mukhtasib, kazi (judge), mirshab (policeman), islamic law, tazir (punishment), Kazi-al-kuzzat (supreme judge), rayis (chairman), prosecutor, prosecutor's assistant, bek.

For citation: Malikova G. R. Genesis of the Prosecutor's Office of the Republic of Uzbekistan: “The East Is a Delicate Matter”. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* = *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2020, no. 4, pp. 80—96. DOI: 10.12737/jflcl.2020.033 (In Russ.)

References

- Abu Yusuf Yakub Ibrakhim al-Kufi. *Kitab al-Kharadzh* (musul'manskoe nalogooblozhenie). St. Petersburg, 2001.
 Asrorova L. *Abu Xafis Kabir Bukhoriy va Xanafiy fikxi*. Tashkent, 2014.
 Bartol'd V. V. *Sochineniya*. Vol. II: *Raboty po ot del'nym problemam istorii Sredney Azii*. Moscow, 1964.
 Bukharskiy mukhtasib v nachale XX veka. Available at: googleweblight.com.
 Bukharskoe khanstvo v fotokollektsiyakh. Available at: www.kunstkamera.ru.
 Buriev I. B. Kontrol' za dolzhnym povedeniem i institut mukhtasiba v srednevekovoy gosudarstvennosti tadzhikov. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2009, no. 4.
 Burkhanuddin Marginani. *Khidoya. Kommentarii musul'manskogo prava*. Part. 2. Vol. 3—4. Moscow, 2008.
 Chernov O. A. *Deyatelnost' rossiyskogo politicheskogo agenta N. V. Charykova v Bukharskom emirate*. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. *Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2008, vol. 8, iss. 1.
 Gasanli Azer Abdul-Ali ogly. *Mukhtasibskaya institutsional'naya sistema kak versiya sovershennoy organizatsii pravozashchitnoy sistemy ombudsmanskogo roda*. *Politika i obshchestvo*, 2009, no. 1.
 Gegel G. V. F. *Filosofiya prava*. Moscow, 1990.
 Islam. *Entsiklopedicheskiy slovar'*. Moscow, 1991.
 K voprosu, vozmozhno li vvedenie instituta zemskikh nachal'nikov v Turkestanskom krae. *Turkestanskije vedomosti*, 1893, no. 26.

- Khalikova R. E. Ob administrativnom upravlenii Bukharskogo khanstva vo vtoroy polovine XIII — nachale XIX veka. *Universum: Obshchestvennyye nauki*, 2014, no. 8 (9). Available at: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1547>.
- Kotyukova T. V. Turkestanskoe napravlenie dumskey politiki Rossii (1905—1917 goda). Moscow, 2008.
- Kraft I. I. Sudebnaya chast' v Turkestanskom krae i stepnykh oblastyakh. Orenburg, 1898.
- Kuchimov N. Dolzhnost' "mukhtasib" v istorii gosudarstv Vostoka i ee vliyaniye na formirovaniye instituta ombudsmena. *Edinyy vserossiyskiy nauchnyy vestnik*, II, 2016.
- Kuk M. Shestoy stolp islama. Zapreshcheniye osuzhdaemogo. St. Petersburg, 2008.
- Loginov A. V. Stanovleniye instituta upolnomochennogo po pravam cheloveka (ombudsmena) v Respublike Abkhaziya i v Rossiyskoy Federatsii. *International Law Journal*, 2019, no. 3.
- Logofet D. I. Strana bespraviya. Bukharskoe khanstvo i ego sovremennoye sostoyaniye. St. Petersburg, 1909.
- Lykoshin N. S. Polzhizni v Turkestane. Petrograd, 1916.
- Makhububov M. Sozdaniye i razvitiye organov prokuratury v Uzbekistane. Dr. diss. thesis. Tashkent, 1993.
- Mavardi. Kniga kaziya. Bagdad, 1973. Vol. 2.
- Nizomulmulk. Siesatnoma (Siyar ul-muluk). Tashkent, 2008.
- Ostroumov N. Sine ira et studio. *Turkestanskije vedomosti*, 1909, November 20.
- Petrushevskiy I. P. Islam v Irane v VII—XV vekakh. Leningrad, 1966.
- Pochekaev R. Yu. Evolyutsiya vzglyadov na lichnost' i deyatelnost' pervogo turkestanskogo general-gubernatora K. P. fon Kaufmana v otechestvennoy istoriografii. *Kunstkamera*, 2019, no. 2 (4).
- Polozheniye "Ob upravlenii Turkestanskim kraem". Vol. 2. Part. 2. St. Petersburg, 1886.
- Postigshaya evropeyskuyu Rossiyu i chast' Zaural'ya golodovka 1891—1892 godov dala novyy tolchok k naplyvu v Turkestanskiy kray russkikh krest'yan. *Turkestanskije vedomosti*, 1893, no. 26.
- Poyasnitel'naya zapiska k proektu polozheniya ob upravlenii v oblastyakh Turkestanskogo general-gubernatorstva. St. Petersburg, 1874.
- Predstoyashchaya sudebnaya reforma. *Turkestanskije vedomosti*, 1899, April 4.
- Prokuratura Respubliki Uzbekistan: 70 let na strazhe zakona. Tashkent, 1992.
- Pulatov B. Kh. Prokurorskiy nadzor. Tashkent, 2009.
- Semenov A. A. Bukharskiy traktat o chinakh i zvaniyakh i ob obyazannostyakh nositeley v srednevekovoy Bukhare. Moscow, 1948.
- Shaykh Muxammad Sodiq Muxammad Yusuf. Olam va odam. Din va ilm. Tashkent, 2019.
- Shizari. Kitob nikhoyat al-rutba fi talab al-khisba. Kokhira, 1936.
- Radzhabov K., Kandov B. Zhaxon tarikhidagi sulola va davlatlar. Tashkent, 2015.
- Sokit M. N. Instituty pravosudiya v islame. Tegeran, 1325.
- Stone C. The Muhtasib. Saudi Aramco World. 1977.
- Sura 9. Koran. Moscow, 1990.
- Temur tuzuklari (Ulozheniya Timura). Tashkent, 2019.
- TsGA Respubliki Uzbekistan. Narodnye sudy Turkestanskogo kraya. St. Petersburg, 1909.
- Yuzhakov Yu. O zemskikh nachal'nikakh v Turkestane. Tashkent, 1894.